0307 Глава Депрессия медсестры Вернувшись в лагерь, день еще не рассвело, костер, который зажгли грабители могил, был потушен, и тибетский мастиф был зажат перед палаткой, жесткий и неподвижный. Ворчащая собака сломала ребра и повредила легкие, и она бы выжила, если бы ее вовремя прооперировали, но Чжэн Сяолун явно не собирался отправлять его в больницу для домашних животных.

В лагере царила тишина, альпинисты и менеджеры прятались в палатках в ожидании рассвета. В этой экстремальной обстановке никто не будет бездельничать и тусоваться.

Нин Тао и Цин погнались в палатку, в то время как рычащая небесная собака осталась снаружи, чтобы охранять дверь.

Как только Нин Тао опустил маленькую коробку с лекарствами, Фокс Сяодзи закричал и протянул пару пухлых маленьких ручек, чтобы Нин Тао держал их в руках.

Нин Тао протянул руку и взял Фокс Сяодзи, держа ее в руках, и пальцем, он слегка поцарапал ее маленький нос и улыбнулся: "Фокс Сяодзи, так тебя зовут, ты помнишь это имя".

"Хихиканье....." смеялся Фокс Сяо Цзи, протягивая руку, чтобы поцарапать нос Нин Тао.

Нин Тао позволила ей подержать нос, но поцеловала свою маленькую ручку: "Фокс Сяо Цзи, скажи мне, что в формуле Дэна "Поиск предков", ладно?"

Нинг Тао горько засмеялся: "Еще слишком рано задавать тебе этот вопрос, так что в таком случае, зови меня дядя, я твой дядя Нинг".

"Мама". Маленький ротик Фокса Сяодзи мурлыкал одним ртом.

Нин Тао замер на месте, он просто дразнил ребенка, чтобы он повеселился, но не ожидал, что Fox Xiaoji еще так молод, чтобы иметь возможность говорить, и четкую дикцию. Но что его удивило, так это то, что она не могла говорить в таком юном возрасте, ведь даже рычащий собака уже заучивал английский алфавит. К его удивлению, Фокс Сяодзи назвал его не дядей, а матерью. Даже если тебе приходится лазать по родственникам, ты должен называть их отцом, так зачем называть их мамой?

Подошёл Цинь Чжоу и с улыбкой сказал: "Упс, хороший мальчик, давай послушаем маму".

Голова Фокса Сяо Цзи дрейфовала, и из его маленького рта доносился голос: "Хм!"...

Цин погнался за Фоксом Сяодзи и отшлепал его: "Малыш, ты что, искренне злишься на меня?"

Фокс Сяо Цзи похоронила свою маленькую голову в объятиях Нин Тао, прячась от погони за Цин.

Нинг Тао внезапно вспомнила что-то и сказала врасплох: "Она не может думать обо мне как о..... существе, как о Серебряной Луне Сакуре, верно?"

Цинь Чжуй на мгновение подумала и сказала: "Все еще возможно, что вы вмешались в ее реинкарнацию, и это нормально, что она думает о вас, как о матери".

Нин Тао с головной болью сказал: "Я мужчина, что я за мать?"

Цинь Чжуй мурлыкал губами и смеялся: "Мужчина тоже может быть матерью, некоторые геи создают семьи, в которых есть разница между отцом и матерью".

Нин Тао помахал рукой и ударил по ягодицам Цинь Чжуя.

Там был хрустящий щелчок, и вместо того, чтобы выпустить крик боли, Цинь Чжуй уставился на Нин Тао, как будто он хотел съесть его в живот.

Есть сотня видов красных цветов, и есть много видов, чтобы поесть.

Нин Тао внезапно что-то понял и последовал, чтобы сменить тему: "Давайте сделаем перерыв, на первом освещении мы отправимся на южный склон Эвереста, чтобы посмотреть, а когда мы закончим, мы вернемся, я думаю, что клиника тоже должна переехать".

Оба выжаты на крошечный матрас, чтобы отдохнуть, с Fox Xiaoji сэндвичами между ними. Не лежа несколько минут, она заползла на тело Нин Тао, одной рукой стягивая одежду Нин Тао, и ее маленький ротик продолжал двигаться в сторону груди Нин Тао.

Нин Тао постучал головой: "Упс, я забыл купить ей сухое молоко в официальном городе, Цин погнался за тобой, чтобы обнять ее, я вернусь и куплю ей сухое молоко сейчас же".

Когда я увидел ее в первый раз, она сказала: "Еще даже не рассвело, где ты собираешься купить ей сухое молоко? Когда наступит день, я попрошу у руководства немного лошадиного молока для нее".

"Я голоден, я голоден... я хочу есть... молоко..." звук бормотания доносился из маленького рта Фокс Сяо Цзи.

"Что теперь?" Нин Тао был немного встревожен, он никогда не приносил ребенка раньше, только два глаза.

Цинь Чжоу протянул руку и схватил Фокса Сяодзи с тела Нин Тао, и с грохотом поднял свою одежду.....

Фокс Хики затих.

Нинг Тао, с другой стороны, в целом не очень хорошо справлялся.

Глаза Цинь Чжуй были игривыми: "Ты смотришь, ты тоже голоден? А твое место, ты хочешь его или нет?"

Нин Тао хотел, но когда он попытался прийти, в его голове вдруг прозвучал отрывок из Священного Писания: я отдыхаю в зародыше, и я услышал звук Великого Дао.

Чёрт!

Божественные часы ударили, и не осталось ничего, чего можно было бы желать.

Что здесь происходит?

День наконец-то рассвело, и Нин Тао позволил Цин преследовать Фокса Сяодзи, когда он вышел из палатки, чтобы найти смотрителя за лошадиным молоком.

Смотритель смотрел на тело тибетского мастифа перед палаткой, нахмурившись.

Нин Тао подошел к нему и вежливо сказал: "Друг, у тебя есть лошадиное молоко?". Овечье молоко подойдет".

"Есть, в моей палатке, но есть деньги, которые нужно заплатить", - сказал начальник лагеря.

Нинг Тао сказал: "Нет проблем".

"Кстати, а как же те парни?" Администратор спросил.

Нинг Тао покачал головой: "Не знаю, кстати, что с этой собакой?"

"Мертвые", как эти парни могли просто оставить его и уйти? Они должны похоронить его тело, что за кучка необразованных парней". В тоне администратора был намек на жалость, жители Западной провинции испытывали особую привязанность к тибетским мастифам, и он не стал исключением.

Нинг Тао сказал: "Наверное, это потому, что они столкнулись с чем-то срочным".

На самом деле, даже если бы кто-то нашел храм Яманака и нашел эти тела, он бы ни о чем не беспокоился, потому что эти люди даже не были убиты им.

Нин Тао купил немного лошадиного молока у руководства и вернулся в палатку. После того, как Цинчай накормил Фокса Сяодзи лошадиным молоком, Нин Тао покинул лагерь вместе с Цинчаем и рычащими собаками и направился на Эверест.

К тому времени, когда снова стемнело, Нинг Тао уже взял Цинчай и его рычащих собак над Эверестом и поехал на южный склон Непала. То, что профессиональным альпинистам нужно делать несколько дней, Нин Тао и его небольшая команда потратили на это чуть более десятка часов.

Холодный снежный ветер свистел и дул, и хотя Лис Сяоцзи в руках Цинь Чжуй была голой, она совсем не чувствовала холода, глядя на Нин Тао, который присел на землю, глядя на карту, широкими глазами. В конце концов, она была демоном лисы, и даже обычный лис мог передвигаться по ледяному небу, не говоря уже о таком естественном демоне лисы, как она.

"Вот оно". Нинг Тао определил местоположение и убрал карту.

Цинь Чжуй нахмурился: "Но здесь нет ничего, кроме льда, снега и камней, что мы можем найти?".

Нинг Тао сказал: "Вы, ребята, идите в укрытие от ветра и ждите меня, я скоро закончу".

"Хорошо, встретимся там". Цин погнался за Лисой Сяо Цзи в сторону утеса, защищенного от ветра.

Рычащие клыки пошли вместе с ним.

Нин Тао вытащил остатки предков Поиск Дана, и в то время как нюхать у его ноздрей, ввел немного духовной силы в шепот на левом запястье.

В следующую секунду его видение было наполнено морской водой, как огромный доисторический кашалот проплыл мимо его головы, которая весила не менее двухсот тонн!

Во второй раз он увидел прошлое, когда воды отступали, Эверест понемногу всплывал на поверхность, и море наполнялось телами различных доисторических рыб. Сплетник ничего не поймал.

Звук, который запечатлел Шептун, на самом деле был энергией души, живущей в этом пространстве, он входил в доисторический пространственно-временной узел, это был живой ад, чтобы слышать, как люди разговаривают.

В третий раз он пробудил нюхательное состояние носа, усиливая лекарственную аллергическую реакцию остатка ДНК. На этот раз в его видении дрейфовал снег из гусиного пера, и лед покрыл весь мир, но не было ничего, кроме льда и снега.

Он отдыхал некоторое время, использовал духовное энергетическое поле, чтобы восстановить своё душевное состояние, и произнёс первую фразу Твоей Сутры, чтобы увековечить свой разум. Отдохнув некоторое время, он снова начал пытаться, но три раза подряд все-таки провалился, и ему просто не удалось запечатлеть энергию души, которую Чжу Хунъюй оставил здесь, как и не запечатлеть ее голос.

После второго перерыва Нин Тао предпринял третью попытку поймать, которая так и не увенчалась успехом.

Он сдался, а также понял, что именно замкнутое пространство позволило заново уловить остаточную энергию души людей прошлого, и звук. И в таком месте, как Эверест, где ветер и снег весь день свирепый, даже если есть остаточная энергия души, невозможно сказать, куда подевался ветер.

Кажется, что попытка сократить путь не сработает, кроме как взять женщину в Италию и найти подсказки к следующему куску черепа, который Хэнкс оставил позади.

Нин Тао попал под горную скалу, где был Цин Чжуй, и несколько раз подряд ввел остаточную версию наркотической аллергической реакции Предка Ищущего Дэна, на этот раз он был действительно физически и умственно истощен, и в сочетании с разочарованием, он выглядел ужасно.

Цин погнался за ним и с беспокойством сказал: "Брат Нин, что с тобой?"

Нинг Тао горько смеялся: "Я в порядке, просто в депрессии, я не нашел никаких подсказок, мы вроде как зря отправились в путешествие".

Цинь Чжоу утешил: "Это не пустая поездка, этот маленький парень также является урожаем, и есть так много Духа Земля и Темной Ночью Снежный Лотос". И не волнуйся, поищи потом, если не можешь найти".

Она также теплодушная маленькая невестка.

Нинг Тао не мог удержаться от того, чтобы не протянуть руку и не обернуть ее душистыми плечами, и депрессия в его сердце рассеялась.

"Мам, я хочу, чтобы ты подержала". Фокс Сяо Цзи сказал, также протягивая пару пухлых маленьких ручек Нин Тао.

Нин Тао плакал и смеялся: "Фокс Сяодзи, ты можешь не называть меня матерью?"

Больше всего Цинь-Чжуй слышала, как он смеялся над ним, но если бы она вернулась в город и назвала его так матерью, то это привлекло бы много странных глаз!

"Хорошо, мам". Фокс Сяо Цзи сказал, что маленькая рука должна была выпрямить Бога, все еще должна обнять.

Нинг Тао уже был в растерянности из-за слов.

"Ты неблагодарный малыш, ты хочешь, чтобы он обнял тебя, как только придет твоя мама, и я кормил тебя прошлой ночью ни за что?" Цинь Чжуй похоронил приговор.

Фокс Сяо Цзи ворчал: "Без молока, подделка".

"Ты все еще белоглазая лиса". Цин погнался за Фокс Сяо Цзи, а затем передал её в руки Нин Тао.

Нин Тао не был наполовину несчастлив, его сердце было наполовину несчастливо, а, наоборот, очень теплое. Некоторое время он обнял Фокса Сяо Цзи, а после перерыва натянул кровавый замок под скалой, затем открыл удобную дверь. Он передал Лис Сяо Цзи Цинь Чжоу, затем взял с собой Цинь Чжоу и ступил в Врата Аспектов, а Ревующие Небеса пристально следили за ним, а также устремились в Врата Удобства.

Буквально через несколько минут после того, как Нин Тао ушла, на этот склон холма прибыла женщина в черных мантиях, за которой следовали два подростка позади нее.

Эти два подростка были не кто иной, как У Сяолинь и Лю Сяньер.

Все лицо женщины было покрыто черной вуалью, и только один глаз был открыт. Эти глаза, как звезды холодной зимой, далеко и глубоко, без малейшей температуры....

http://tl.rulate.ru/book/29303/859342